

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:327(591)

DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-144-161

КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В МЬЯНМЕ: ЭТНОПОЛИТИКА, ГЕОПОЛИТИКА, ГЕОЭКОНОМИКА

Фёдор Алексеевич ПОПОВ¹

¹ Сеченовский Университет, Москва, Россия

popovf1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8867-3300>

Аннотация: В статье рассматривается ситуация в штате Шан (Мьянма), где с октября 2023 г. резко активизировались боевые действия между армией Мьянмы и группировками этнических повстанцев. Первостепенное внимание уделяется роли Китая в конфликте. Эта роль, обычно связываемая с геоэкономическими интересами Пекина, истолковывается автором в ракурсе этнополитики, этнической экспансии ханьского народа на северо-востоке Мьянмы. В статье делается краткий экскурс в историю китайско-бирманских отношений, отмечается наличие в бирманском самосознании представлений о «китайской угрозе». После конституционного трансфера 2021 г. Китай ведёт сложную политику на мьянманском направлении, стремясь минимизировать свои убытки от гражданской войны. С началом «Операции 1027», которая не могла состояться без одобрения КНР, в провоенном сегменте публичного поля Мьянмы получил распространение тезис о «китайской прокси-войне». Считается, что КНР использует такие группировки как *MNDAA*, *TNLA*, *AA* и *UWSA* в качестве средства давления на центральное правительство. Привлекая материалы из новейшей истории Мьянмы и материалы СМИ, автор статьи проводит реконструкцию как реального китайского вмешательства в гражданскую войну, так и реакции мьянманского общества на него.

Ключевые слова: Мьянма, Китай, гражданская война в Мьянме, штат Шан

Для цитирования: Попов Ф.А. Китайское измерение гражданской войны в Мьянме: этнополитика, геополитика, геоэкономика // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2024, Том 3, № 3 (64). С. 144–161. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-144-161

Original article. Historical science

CHINESE DIMENSION OF THE MYANMAR CIVIL WAR: ETHNOPOLITICS, GEOPOLITICS, GEOECONOMICS

Fedor A. POPOV¹

¹ Sechenov University, Moscow, Russia
popovf1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8867-3300>

Abstract: The article examines the situation in Shan State (Myanmar), where hostilities between the Myanmar army and ethnic rebel groups have sharply intensified since October 2023. Primary attention is paid to the role of China in the conflict. This role, usually associated with Beijing's geo-economic interests, is interpreted by the author from the perspective of ethnopolitics, the ethnic expansion of the Han people in northeastern Myanmar. The article makes a brief excursion into the history of Sino-Burmese relations, noting the presence of ideas about the "Chinese threat" in the Burmese self-awareness. After the constitutional transfer of 2021, China has been pursuing a complex policy in the Myanmar direction, seeking to minimize its losses from the civil war. With the start of «Operation 1027», which could not take place without the approval of the PRC, the thesis of a «Chinese proxy war» has become widespread in the pro-war segment of the public sphere of Myanmar. It is believed that the PRC uses groups such as MNDAA, TNLA, AA and UWSA as a means of pressuring the central government. Using materials from the modern history of Myanmar and media materials, the author of the article reconstructs both the real Chinese intervention in the civil war and the reaction of Myanmar society to it.

Keywords: Myanmar, China, Myanmar civil war, Shan State

For citation: Popov F.A. Chinese Dimension of the Myanmar Civil War: Ethnopolitics, Geopolitics, Geoeconomics. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2024, T. 3, № 3 (64). Pp. 144–161. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-144-161

Гражданская война в Мьянме (до 1989 г. – Бирме), длящаяся с момента обретения страной независимости, активизировалась после конституционного перехода («переворота») 1 февраля 2021 г. Вернувшись к власти военным (Тамадо), бросили вызов две силы: бирманская оппозиция в лице «правительства национального единства» (*NUG*) с его вооружённым крылом, «силами народной обороны» (*PDF*), и

разнообразные этнические вооружённые организации (ЕАО)^а. 27 октября 2023 г. произошло «переломное» для военной динамики событие: три группировки, образующие «Альянс трёх братьев» – Армия национально-демократического альянса Мьянмы (MNDAA), Та-ангская национально-освободительная армия (TNLA) и Армия Аракана (AA) – объявили о начале «Операции 1027». Основные боевые действия охватили северо-восточную Мьянму, где оперировали MNDAA и TNLA, при негласной поддержке ещё одной группировки, формально нейтральной Армии объединённого штата Ва (UWSA), с территории которой было совершено нападение на ВС Мьянмы. В январе 2024 г. боевики добились значительных успехов, принудив к капитуляции бирманский гарнизон г. Лауккай, столицы самоуправляемой зоны Кокан. Временное перемирие между MNDAA и TNLA с одной стороны, и Тамадо с другой, было достигнуто при посредничестве Китая 11 января 2024 г. и получило название Хайгенского соглашения – по отелю «Хайген» в г. Куньмин, где состоялись переговоры. Тем не менее, в конце июня 2024 г. стартовала «вторая фаза» «операции 1027», приведшая к оккупации боевиками MNDAA крупного города Лашио¹, места расположения штаба Северо-Восточного командования («Ямакха»). На этот раз «Альянс трёх братьев» вышел за пределы территорий, которые считались его участниками «своими» в силу этнического фактора. Бои разгорелись в предместьях Мандалая, где главной ударной силой стали «мандалайские силы народной обороны» (MDY-PDF); отдельные боевые единицы «бирманской» оппозиции (леводемократическая BPLA и коммунистическая PLA) были использованы повстанцами в битве за Лашио. Несмотря на неудачи, Государственный административный совет («хунта») демонстративно отказался от нового раунда переговоров, видя в предлагаемой Пекином схеме покушение на суверенитет Мьянмы. Текущее положение дел в охваченной войной стране (не только на её северо-восточной окраине) подводит к вопросу о роли Китая. Каковы подлинные интересы великой державы в Мьянме и соответствует ли миротворческая риторика китайских официальных лиц реальному поведению китайской стороны? На эти вопросы не ответить без учёта истории китайско-бирманских отношений как минимум с 1948 г.

^а Считать этнических боевиков «сепаратистами» некорректно: руководство этих групп отрицает стремление к отделению от Мьянмы и формально требует расширения прав меньшинств в формате федерации или трансформации в конфедерацию. На практике, однако, воплощение чаяний ЕАО означает появление de-facto независимых «государств в государстве», связанных с соседями Мьянмы сильнее, чем с центральным правительством (ва предпочитают «вассалитет» Китая, некоторые шанские группировки – Таиланд).

Эволюция китайского давления на Мьянму: от «экспорта революции» до «коканского вопроса»

При анализе действий Китая на мьянманском направлении во главу угла ставится экономический интерес. Военные действия угрожают реализации проекта «Один пояс, один путь» (*One Belt, One Road – OBOR*) – бои идут вдоль трубопровода, пролегающего от Куньмина (столица провинции Юньнань) до порта Чаупхью в штате Ракхайн на побережье Бенгальского залива. С точки зрения геоэкономики коридор через Мьянму решает для Китая «Малаккскую дилемму» – помогает избежать рисков, связанных с гипотетической блокадой Малаккского пролива, через который пока осуществляется доставка в Китай сырья и энергоресурсов². После прихода к власти правительства оппозиционной Национальной лиги за демократию (НЛД) в 2015 г. Китаю наконец-то удалось заключить выгодную сделку по прокладке газо- и нефтепроводов, ранее отклонённую военно-реформистским кабинетом премьер-министра Тейн Сейна³. «Переворот» 2021 г. внёс коррективы в планы Китая. Нормального функционирования всех станций Китайско-мьянманского экономического коридора (СМЕС) нельзя добиться без достижения какой-либо «формулы мира» в раздираемой гражданской войной стране. С 2015 г. Китай предлагает услуги посредника в переговорах между центральным правительством и повстанческими армиями, оперирующими в зоне СМЕС⁴. Особое значение придаётся прибрежному Ракхайну, где конкурентом КНР на медиаторском поприще выступает организация Nippon Foundation японского предпринимателя Йохеи Сакава. Также в регионе задеваются интересы Индии, нуждающейся в бесперебойном маршруте, соединяющем её труднодоступные северо-западные штаты с Калькуттой. В контексте классических школ геополитики (Х. Макиндер, Н. Спикмен) Мьянма предстаёт типичным «лимитрофом» или частью буферного «Римленда», огибающего «Хартленд» материкового Китая⁵.

Прагматическое извлечение экономической выгоды из торговли и инфраструктурных проектов давно видится основной подоплёкой внешней политики Пекина. Однако как минимум до реформ Дэн Сяопина – т.е. в системообразующий для китайской политической структуры период председательства Мао Цзэдуна – КНР представляла собой ярко выраженное идеократическое образование, в котором коммунистическая идеология господствовала над всеми сторонами жизни общества, включая экономику. Целенаправленная поддержка Китаем Коммунистической партии Бирмы (ВСР) в 1940-1980-е гг. вытекала из

идеологической экспансии маоистского режима. Вплоть до конца 1980-х гг. КНР, наряду с межгосударственной дипломатией по линии Пекин – Рангун, имела официальный и нескрываемый межпартийный канал связи с руководством ВСР, партии, которая вела ожесточённую войну против «фашистской диктатуры»⁶. Желание государственных деятелей Бирмы сохранить нейтралитет страны в условиях «Холодной войны» вело к закрытию глаз на недружественные действия Китая, который, цени сдержанность бирманцев, держал ВСР «на коротком поводке» (также Пекин пресекал попытки влияния на ВСР со стороны просоветских компартий Вьетнама и Лаоса). После провала последнего наступления ВСР на фоне «революции 8888» (частично подготовленной коммунистическим подпольем) и распада партии вследствие мятежа этнических меньшинств против бирманской номенклатуры, Китай окончательно переориентировался на межгосударственную дипломатию, чему способствовали осложнения отношений обеих стран с США (на 1988-1989 гг. пришлось подавление «демократической революции» в Бирме и события на площади Тяньаньмэнь в Пекине). Изменение внешнеполитической конъюнктуры не устранило всего спектра мьянмано-китайских противоречий; распространённый в западных СМИ штамп о «прокитайской хунте» ошибочен даже применительно к периоду наибольшей зависимости Мьянмы от КНР в 1990-е гг. (данная зависимость возникла вследствие международной изоляции «хунты»)⁷.

Наряду с потерявшим актуальность идеологическим давлением и безусловно первостепенным экономическим интересом, на наш взгляд, китайскую политику в Мьянме, особенно на северо-востоке страны, стоит проанализировать сквозь призму этнического фактора или этнической экспансии ханьцев. Следует помнить, что в основе бирманской (буддийской, центрированной на Палийском каноне) и китайской (традиционной конфуцианской и тем более атеистической маоистской) культур лежат разные паттерны, проявляемые в диаметрально противоположном взгляде на мироздание, этику, власть и религию.

У китайской общины в Мьянме долгая история, полная травматических моментов как для бирманцев, так и для китайцев. Первым эпизодом, повлиявшим на дискурс «китайской угрозы», стала миграция с 1644 г. в королевство Таунгу (верхняя Бирма) сторонников династии Мин, потерпевших поражение в войне с маньчжурами. «Беженцы», формально просившие политического убежища для последнего минского императора, отличились мародёрством и грабежами, создав серьёзную проблему для бирманских правителей; поэтому, когда в 1662 г. маньчжурский наместник провинции Юньнань потребовал выдачи

минского претендента Юнли, король Пьемин предпочёл удовлетворить это требование⁸. Именно минские эмигранты положили начало ханьской колонизации нынешнего северо-востока Мьянмы. Ожесточённые китайско-бирманские войны, ведшиеся в XVIII в. династиями Цин и Конбаун, наложили отпечаток на восприятие бирманцами северного соседа. В колониальную эпоху на первый план выступил наплыв выходцев из Индии (индусов и бенгальцев-мусульман), поощряемый Великобританией, что вывело «китайский фактор» из числа первоочередных. Более того, благодаря энергии британских властей, в пределах Бирмы (до 1937 г. – британской Индии) по договору о демаркации 1897 г. оказались некоторые территории, ранее принадлежавшие империи Цин. «Колониальный» характер китайско-бирманской границы станет в дальнейшем аргументом в пользу пренебрежительного отношения китайской стороны к территориальной целостности Мьянмы. После получения независимости Бирма почти сразу же столкнулась с актуализировавшимся «китайским фактором»: в 1950 г. разбитые в китайской гражданской войне войска Гоминьдана под началом ген. Ли Ми отступили в Бирму и вместо того, чтобы быть интернированными фактически оккупировали часть территории независимого государства, создав плацдарм для борьбы с КНР (что давало предлог для вторжения НОАК в Бирму). Лишь к началу 1960-х гг. удалось добиться вывода гоминьдановских войск, поддерживаемых США и Тайванем. Период теплоты в отношениях Рангуна и Пекина 1950-х гг. был связан с наличием общей проблемы – гоминьдановской армии в пограничье. Начал культивироваться принцип «пау-пхо» или «братской дружбы», до сих пор остающийся важным концептом китайско-мьянманских отношений.

Ситуация изменилась в 1960-е гг.: Пекин предоставил мощную поддержку коммунистическим мятежникам, ставшим главной угрозой независимости Бирмы. «Культурная революция» и переворот 1962 г. породили взаимные подозрения. Тенденция Пекина использовать бирманских китайцев для дестабилизации обстановки в стране повлияла на восприятие китайской общины – для режима Партии бирманской социалистической программы и ещё более для простых бирманцев-буддистов они превратились в «пятую колонну» коммунизма, потенциальную социальную базу экстремистской ВСР. Социалистические мероприятия Революционного совета, в особенности национализация, нанесли удар по экономически активной китайской диаспоре. Правительство взяло под контроль китайскоязычные школы, запретило в них преподавание марксизма-ленинизма и учения Мао Цзэдуна; тысячи китайских учителей (включая замаскированных под них пропагандистов)

были высланы из Бирмы⁹. Когда в 1967 г. из-за наступления коммунистических войск (подкреплённых китайскими, северокорейскими и северовьетнамскими «добровольцами») в Рангуне вспыхнули китайские погромы, отношения двух стран достигли низшей точки. И всё же твёрдая приверженность бирманского руководства принципам нейтралитета удержали «страну-отшельника» от втягивания в антикитайские блоки с США или СССР¹⁰. Как показало будущее, осторожная политика ген. Не Вина, сочетавшая беспощадную борьбу с коммунистами внутри страны и дружественные визиты в КНР, была оправдана.

Распад ВСР вследствие мятежа этнических меньшинств неожиданно открыл новые возможности для китайского населения. Оно перестало быть скованным партийной дисциплиной, подразумевавшей первичную лояльность «коммунистической Бирме», а не собственным этническим интересам. Крушение ВСР можно датировать 12 марта 1989 г., когда отряды Пэн Цзяшена, будущего «опиумного короля» и лидера коканских ханьцев, вышли из подчинения центрального аппарата и учредили Армию Национально-Демократического Альянса Мьянмы (*MNDAA*). Несмотря на остаточный «интернационализм», звучащий в названии организации и вызванный, видимо, нежеланием выдавать свою связь с Китаем, *MNDAA* выступает орудием ханьской этнической экспансии в Мьянме. Выросшая зависимость Государственного совета по восстановлению правопорядка (с 1997 г. по 2011 г. – Государственный совет мира и развития) от КНР привела к уступкам военного режима в «ханьском вопросе» – и к включению «кокандцев», т.е. ханьцев самоуправляемой зоны Кокан, в реестр «национальных рас». Решение признать коканскую идентичность вместо общекитайской следует трактовать как компромисс между Пекином и военным правительством, которому было спокойнее оперировать с «кокандцами», а не с китайцами¹¹. Однако не вызывает сомнений, что «кокандцы» всегда ощущали себя именно китайцами, отождествляли себя с «Великим Китаем» и, на локальном уровне, с *MNDAA*. В свою очередь, китайские власти, в особенности провинция Юньнань, сохранили «особые» отношения с «осколками» Компартии. Примечательно, что другой осколок ВСР – Армия объединённого штата Ва (*UWSA*) – также сделала выбор в пользу негласной интеграции с КНР; модель «штата Ва» получила название «китайской горной крепости»¹². Копирование китайских политических, правовых, экономических и культурных практик с начала 1990-х гг. распространилось на все районы, оказавшиеся под властью прокитайских и китайских инсургентов. Соглашения о прекращении огня, подписанное *MNDAA*, *UWSA* и *NDAA* с Тамадо

сразу же после коллапса *ВСР*, позволили боевикам сосредоточиться на государственном строительстве и выстраивании устойчивых каналов связи с северным покровителем.

Усиление «китайского фактора» не ограничилось оформлением субъектности «армий» северного Шана. В 1990-е г. верхнюю Бирму захлестнула волна китайской миграции из Юньнани. К 1993 г. численность китайского населения в Мандалае подступило к отметке в 350 тыс. человек¹³. Естественно, Китай не мог отказаться от такого удобного инструмента влияния на Мьянму как диаспора (хуацяо). Сотрудник советского посольства в Бирме и русский диссидент А. Казначеев писал в 1962 г. о схожести коммунистического Китая с нацистской Германией, поскольку и там и там «существует пугающе огромное и растущее население единого национального происхождения, также очень трудолюбивое и амбициозное, чей национализм обострился примерно за век иностранного господства и унижения. Имеются воспоминания о ранних империях центрального Китая, которые господствовали над большей частью цивилизованного мира. У Китая недостаточно возделываемых земель и, вероятно, ограниченные ресурсы. У него также маленькие и слабосильные соседи... Большинство китайцев, как показывает множество фактов, поддерживают... режим, несмотря на ужасную регламентацию, голод, скотоподобную жизнь в коммунах и распад традиционной китайской семьи»¹⁴. Отметим, что по сравнению с временами «культурной революции» привлекательность китайской модели заметно повысилась, особенно среди этнических меньшинств Мьянмы, взиращенных на КНР не только как на пример сверхуспешного экономического роста, но и как на альтернативный «бирманскому шовинизму» полюс притяжения.

Мьянманское общество и «операция 1027»

Слабая сторона современных бирманистических исследований – фатальная предвзятость их авторов в освещении актуальных событий гражданской войны. Эта предвзятость доходит до такой степени, что голос того лагеря, которому симпатизируют эксперты-бирманисты – а это, несомненно, структуры «весенней революции», *NUG/PDF* – объявляется единственным «голосом Мьянмы». Допустимое разнообразие нарративов обеспечивается разве что за счёт подчёркивания различий между этнически бирманской оппозицией и группировками меньшинств. Сторонники армии и бирманские националисты-«контрреволюционеры» не просто демонизируются, а напрочь исключаются из любого анализа. Леволиберальная академия вообще отрицает их

субъектность, низводя значительный процент населения Мьянмы до уровня «обслуживающего персонала» вооружённых сил. Такой подход имеет весьма прискорбные последствия: во-первых, он легитимизирует насилие против того, кто в мьянманском конфликте объявлен «рабами», «фашистами», «религиозными мракобесами», примиряя западную аудиторию с кровавыми эксцессами «народной революции»; во-вторых, он порождает неверную, однобокую картину мьянманского политического ландшафта. В контексте данной статьи надо отметить, что пренебрежение мнением провоенного лагеря ведёт к ошибочным выводам относительно китайско-мьянманских отношений, которые трактуются исходя из либерального тезиса о неизбежном тяготении авторитарных режимов друг к другу. Увы, российские СМИ и заинтересованные ресурсы нередко повторяют нарративы «коллективного Запада» о «запрограммированной» близости Китая и Тамадо, предпочитая не углубляться в китайско-мьянманские противоречия из опасений поставить под сомнение единство не-западного мира. Между тем, учёт коллективных представлений провоенного сегмента общества позволяет нарисовать совершенно неожиданную картину гражданской войны.

Расширение зоны контроля этнически ханьской *MNDAA* в результате «операции 1027» потребовало от мьянманских общественно-политических сил сформулировать свою позицию по Китаю и китайскому меньшинству в стране. Если вооружённая оппозиция в данном случае отказалась от рефлексий насчёт «китайской угрозы» и всемерно приветствовала успехи *MNDAA* (неудобная ситуация с поддержкой «векового врага» обходится за счёт отрицания какой-либо связи между Пекином и «Альянсом трёх братьев»), то провоенные националисты обрели в лице Китая образ Другого, позволяющий трансформировать гражданскую войну в «войну против иностранного вторжения» (муссирование американской поддержки *NUG* и каренских сепаратистов в официальной пропаганде не сравнится по популярности с темой китайского вмешательства).

Обвинения в поддержке боевиков уже предъявлялись китайской стороне в ходе активизации боевых действий в Кокане в 2015 г.: на конференции 21 февраля 2015 г. ген.-лейт. Мья Тун У информировал об участии «китайских наёмников» в наступлении коканских сил¹⁵. Выступая перед публикой после потери Лашио 5 августа 2024 г., глава Государственного административного совета и президент Союза старший генерал Мин Аун Хлайн отдельно остановился на участии неназванной «зарубежной страны» в технологической и финансовой поддержке боевиков в северном Шане, в т.ч. на присутствии в *MNDAA*

операторов БПЛА из некой «зарубежной страны»¹⁶. Никто, включая иностранных экспертов, не испытывает сомнений, что мьянманский лидер имел ввиду Китай. Тем не менее, военные спикеры проявляют сдержанность, памятуя о гигантском влиянии КНР на Мьянму и её стабильность. Поэтому синофобские нарративы распространяются в основном активистами из провоенной патриотической среды.

В коллективных представлениях бирманцев (их национально-сознательной части, поддерживающей армию) Китай ведёт против Мьянмы «прокси-войну». Бои Тамадо с *MNDAA* помещаются в лоно исторической памяти о череде китайских вторжений. Среди этих проявлений «вечной китайской враждебности» к буддийской цивилизации Мьянмы: монгольское нашествие времён империи Юань в XIII в., китайско-бирманские войны XVIII в. в правление короля Синбьюшина^b, война с «белыми китайцами» (Гоминьданом) в 1950-е гг. и «красными китайцами» (курируемой ими ВСР) с 1967 г. по 1988 гг., наконец, столкновения в Кокане в 2015 г.¹⁷

В январе 2024 г. в социальных сетях получил распространение текст, сравнивающий «операцию 1027» с китайско-вьетнамской войной 1979 г., началу которой тогда исполнялось 45 лет. Разница между конфликтами в том, что во Вьетнаме Китай прибег к прямой агрессии, в то время как в Мьянме – к опосредованной. «Несмотря на то, что минуло более 40 лет, вьетнамский народ до сих пор не может забыть эту агрессивную войну... – пишет автор. ...Сейчас они (китайцы) ведут прокси-войну здесь, поддерживая этнические повстанческие группы своими людьми/оружием/дронами и используя боевые действия как предлог для захвата территории. Пусть народ будет сознателен и един...» (телеграм-канал «Хмин Вэй», в числе прочих разместивший эту статью, охватывает около 140 тыс. подписчиков)¹⁸. «Со времён Синбьюшина и до Бакапы (ВСР), все враги, нападавшие на нас, были разгромлены. “Красные солнца” (солнце на красном фоне – эмблема Северо-восточного командования Тамадо – прим. автора) должны восстать из пепла, как феникс, и сокрушить врага» – пишет в разгар битвы за Лашио канал «Чжо Вин Маун» (29 тыс. подписчиков), иллюстрируя свои слова знакомой каждому бирманцу картиной поединка бирманского и китайского всадников в ходе при Мэймью 1768 г. (в которой бирманская

^b Именем Синбьюшина (дословно: «владыка белого слона»), согласно уткам информации, названа предполагаемая операция ВС Мьянмы по возврату оккупированных *MNDAA* и *TNLA* областей штата Шан. На состояние начала сентября 2024 г. Тамадо не перешло в контрнаступление.

армия полководца Маха Тиха Туры уничтожила «Восьмизнаменное воинство» империи Цин)¹⁹.

Вопреки тенденции «продемократических» СМИ приуменьшать или вообще отрицать подконтрольность коканских боевиков Пекину, в распространяемом среди мьянманских блоггеров тексте *MNDAA* однозначно выглядит орудием китайской агрессии, армией-оккупантом на бирманской почве. «Я говорю по-китайски и подражаю китайской армии НОАК. Я использую китайское оружие, китайскую униформу и китайскую военную технику. Пользуюсь китайскими военными советниками. Пользуюсь китайскими наёмниками. Использую китайские деньги, которые хранятся в китайских банках. Имею собственность в Китае, отдаю детей в китайскую школу. Распространяю пропаганду на китайском языке, публикую на нём документы... При этом называюсь Армией национального демократического альянса *Мьянмы*... По сути это прокси-война»²⁰.

Наблюдатели, пытающиеся дать ответ на вопрос о причинах поддержки Китаем повстанцев, упираются в кажущуюся нелогичность таких действий. Нестабильность вдоль *СМЕС* порождает предположения о намеренной активизации американскими спецслужбами своей «агентуры» среди повстанцев с целью «заморозить» китайский проект. Данные предположения не подтверждаются элементарными фактами; повстанческие формирования относительно которых можно говорить о неких «связях с ЦРУ» (через «гуманитарную» организацию *Free Burma Rangers*), расположены на границе с Таиландом, в штатах Карен и Кая, не имеющих китайской инфраструктуры. Подоплёка усилившегося внимания Китая к *MNDAA*, *TNLA* и *AA*, по мнению мьянманских медиа, кроется в планах осуществлять контроль над *СМЕС* через этнических «варлордов» – в противовес центральному правительству Мьянмы. Множественность этнических группировок компенсируется возможностью навязать им статус «вассалов» (по образцу «штата Ва») и отсутствием у палаунов, ракхайнов или тем более у китайцев Кокана повода для сношений с конкурентами КНР (США и Индией). Широкое хождение в провоенном сегменте получила карта с обозначением линии *СМЕС*, вдоль которой «внезапно» началась «Операция 1027». По мнению бирманцев, это свидетельствует о намерении КНР оккупировать зону реализации *СМЕС* (т.е. всю верхнюю Мьянму).

Захват *AA* г. Палетва в штате Чин объясняется не просто намерением восстановить «исторические границы» Ракхайнского королевства до 1785 г. (год присоединения Ракхайна к Бирме), но и выполнением обязательств перед Китаем по срыву индийского проекта «Каладан»,

пролежавшего как раз через Палетву. Готовность лидера АА Тун Мьят Найна защищать китайские объекты и принимать китайскую помощь не могут не вызвать беспокойства в Дели, что даёт повод для более тесного сотрудничества вооружённых сил Индии и Мьянмы²¹. Негативное отношение к Индии у ракхайнских боевиков сформировано «операцией “Пиявка” (*Leech*)», проведённой индийской армией и спецслужбами в феврале 1998 г. – на предлогах переговоров на Андаманские острова удалось заманить и затем ликвидировать эмиссаров ракхайнских и каренских повстанцев, замешанных в продаже оружия повстанцам Северо-Востока Индии²². Всё это вкуче закладывает фундамент стратегического, а не просто ситуативного сотрудничества между КНР и АА.

Масштабное иноэтническое и иностранное вмешательство в гражданскую войну между бирманцами неизбежно ставит перед национальным самосознанием вопрос морального выбора: этично ли сражаться против армии Мьянмы в союзе с не-бирманцами и даже немьянманцами? Уникальной чертой мьянманской гражданской войны на 2024 г. является то, что ориентирующиеся на Запад и США «силы народной обороны» открыто кооперируются с прокитайскими группировками, несмотря на противостояние Вашингтона и Пекина²³. Доходящая до иступления ненависть сторонников NUG к «военным псам» ставит их в неловкое положение «рабов» внешнеполитических врагов Мьянмы. Сотрудница правительственной пропаганды Тазин У, комментируя видео повстанцев с флагами КНР на камуфляже, сравнила бирманские PDF с царём Аджашатру (современником Будды), пытавшимся убить свою мать²⁴. Канал «Чжо Сва» (184 тыс. подписчиков) пытается убедить боевиков PDF, союзников MNDAА, не сражаться за иностранные интересы: «Китайские коммунисты заставили вас воевать... Вы говорите о демократии, но это коммунистическая демократия... В настоящий момент только Тамадо защищает страну и народ»²⁵.

Проблема Северного Шана и траектория внешней политики Мьянмы

Политика MNDAА подтверждает опасения сторонников армии. В захваченном Лауккае в январе 2024 г. боевики MNDAА разрушили кувалдой буддийскую ступу, запечатлев процесс вандализма на видео²⁶. Надругательство над религиозными чувствами буддистов привело к массовыми патриотическим митингам в подконтрольных правительству городах. Несмотря на принесённые командованием MNDAА извинения, рядовые боевики продолжают демонстрировать пренебрежение

к буддизму, что выражается, например, в ношении обуви на территории монастырей.

При формальной приверженности идеям «весенней революции» *MNDAA* реализует программу этнических чисток. Принадлежащие бирманцам магазины в Лауккае были снесены, а бирманскому населению первоначально запретили возвращаться в город (позднее в Лашио *MNDAA* с целью опровергнуть обвинения в шовинизме призвала неких тайских беженцев возвращаться в «освобождённый» город, однако подтекст этого шага связан со стремлением расширить мобилизационную базу за счёт вернувшихся)²⁷. В школах Кокана из числа предметов был исключён бирманский язык. С расчётом крепче «привязать» северный Шан к КНР налажена выдача китайских паспортов взамен мьянманских идентификационных карт. Логично предположить, что в случае длительного господства *MNDAA* в северном Шане этот регион окажется настолько китаизированным, что даже после восстановления оперативного контроля над ним армией Мьянмы реинтеграция будет крайне проблематичной. Пока же планомерное вытеснение бирманцев и шанов с территорий их исторического проживания несёт признаки геноцида.

Добавим, что некоторые нижестоящие китайские спикеры откровенны в своих аппетитах. В частности, сотрудница бюро пропаганды НОАК Жао Дашуай со своего аккаунта в твиттере определила коканский кризис как «первую сиистскую революцию» (поводом для этого послужили публичные чтения книги Си Цзиньпина руководством *MNDAA* и её лидером Пэн Дэжэнем)²⁸. Она же выразила желание, чтобы подконтрольные «ханьскому и китаизированным меньшинствам» районы Кокана, «штата Ва» и Монгла стали «важной буферной зоной на нашей южной границе»²⁹. Естественно, официальные заявления китайских представителей включают в себя совсем иные обороты, но успехи *MNDAA* неминуемо приведут к усилению позиций КНР в верхней Мьянмы – там, где преобладает китайский этнос будет преобладать и китайских бизнес. В июле 2023 г. «Альянс трёх братьев» пообещал защищать интересы китайских инвесторов³⁰, перед падением Лашио *MNDAA* ещё раз напомнила о готовности охранять все китайские проекты³¹. В свою очередь, мьянманская дипломатия пытается играть на страхах Пекина перед «потерей Мьянмы». В Ханое 21-22 июня 2024 г. прошла встреча коммодора ВМС Мьянмы Чжо Лин Зо с помощником госсекретаря США по Восточной Азии и Тихоокеанскому региону Д. Критенбринком – о содержании беседы можно лишь догадываться, но речь, возможно, шла об ослаблении санкционных мер США против Мьянмы в условиях агрессии прокитайских группировок. В конце июля

в Нейпидо состоялось совещание глав служб безопасности стран-участниц *BIMSTEC*, организации, решающие позиции в которой принадлежат Индии – старому конкуренту Китая.

Синофобские настроения порождаются расхождением слов официального Пекина с его действиями. Учения НОАК на границе с Мьянмой незадолго до второй фазы «операции 1027», по данным мьянманских источников, были использованы для передачи войскам «Альянса трёх братьев» различных видов вооружений. Визиты спецпосланника КНР Дэн Синцзюна в Нейпидо странным образом предваряли активизацию повстанцев, что породило в бирманской блогосфере устойчивое мнение о том, что китайский дипломат «приносит несчастье Мьянме». Правительственная газета *The Daily Eleven* в передовице от 1 августа 2024 г. обратилась к параллелям из истории XIX в., сравнив продвигаемые КНР Хайгенские соглашения с Яндабоским миром 1826 г., завершившим первую англо-бирманскую войну. Оба договора являются для Мьянмы унижительными и подрывают её суверенитет. Констатируя, что оружие повстанцев «напрямую или косвенно получено из Китая», издание приходит к выводу: «Хотя “операцию 1027” и бои в северном Шане называют революцией и, так или иначе, связывают с этническим/федеральным вопросом, следует учитывать, что это опосредованная империалистическая война XXI века, похожая на империалистическую агрессивную войну XIX века»³².

Визит министра иностранных дел КНР Ван И в Нейпидо 14 августа и его встреча с Мин Аун Хлайном говорит о серьёзной обеспокоенности Пекина кризисом в Мьянме – ранее представители столь высокого ранга избегали встреч с «главой хунты». Ориентирующиеся на США структуры бирманской оппозиции интерпретировали поездку Ван И как звено в действиях Китая по недопущению «близящегося» коллапса военного режима. Действительно, по мере выхода армий «Альянса трёх братьев» за пределы его этнических ареалов и приближения войны к Мандалаю Китай стал проявлять заинтересованность в немедленном прекращении боевых действий. Появившаяся в СМИ фотография письма комитета безопасности г. Жуйли на имя *TNLA* содержит требование к палаунам срочно остановить военную активность, в противном случае лидеры группировки «понесут ответственность за последствия». Внешним видом письмо напоминает грубую подделку, однако посольство КНР в Мьянме не опровергло данную информацию. Учитывая, что нет никаких сведений о «принуждении к миру» *MNDAA*, главной ударной силы «операции 1027», скорее всего имеют место опасения властей пограничных районов КНР по поводу возможного

наплыва беженцев в случае начала боёв за г. Мусе, важный торгово-транспортный пункт на границе (из-за боязни поставить под удар территорию Китая ни *TNLA*, ни *MNDAA* на момент начала сентября 2024 г. не решились захватить блокированный город). Некоторые сторонники военных преждевременно заявили о перемене в поведении Китая, якобы испуганного перспективой прихода к власти проамериканских революционеров. Не отрицая наличия таких мотивов в китайской стратегии, думается, что говорить о возврате Китая к ставке на военных к осени 2024 г. – в корне неверно. Считая полезным временно «попридержать» повстанцев, Пекин вовсе не благоприятствует стремлению Тамадо вернуть утраченные территории. Мобилизационные мероприятия *UWSA*, наиболее надёжного «прокси» КНР в регионе, дают почву для пессимистических прогнозов. Такой шаг правительства Мьянмы как признание *MNDAA*, *TNLA* и *AA* террористическими организациями исключает любые переговоры с ними, что также противоречит стратегии Китая по принуждению сторон к перемирию и свидетельствует о неизбежности «тотальной» войны между Тамадо и инсургентами.

Заключение

Беглого взгляда на ситуацию достаточно, чтобы понять – конфликт в Мьянме в 2024 г. вступил в критическую фазу. «Операция 1027» если не переломила ход военных действий в пользу оппозиции, то серьёзно поколебала представления о непобедимости Тамадо. Мьянманское государство столкнулось с вызовом гораздо более серьёзным, чем тот, который принесли с собой беспорядки 1988 г. В случае ухудшения обстановки Мьянма рискует оказаться в положении времён битвы за Инсейн 1949 г. – столица страны тогда находилась в окружении этнических (каренских) повстанцев.

Подводить какие-либо итоги под динамично меняющейся с каждым днём ситуацией в Мьянме было бы методологически некорректно. Имеет смысл зафиксировать факты из ближайшего прошлого и на их основе выявить основные тренды. Итак, анализ гражданской войны на её текущем этапе позволяет сделать следующие выводы.

1. При оценке влияния зарубежных стран на мьянманскую гражданскую войну следует помнить, что в наибольшей степени в ней замешан Китай – как на официальном уровне в амплуа «миротворца», так и на теневом в роли тайного покровителя этнических вооружённых группировок.

2. «Операция 1027», начатая войсками ханьских, палаунских и ракхайнских повстанцев, была негласно одобрена Китаем; успехи,

достигнутые боевиками, не представляются возможными без массивной поддержки северного соседа.

3. В китайской политике относительно Мьянмы помимо соображений геоэкономики (реализация проекта «Один пояс, один путь») и геополитики (коридор к Индийскому океану) в последнее время отчётливо прослеживается этнополитический аспект, связанный со ставкой Китая на воинственное ханьское меньшинство штата Шан и его вооружённую формацию – *MNDAA*. Расширение зоны контроля *MNDAA* стоит воспринимать как пространственную экспансию этнических китайцев на территории народов Союза Мьянмы (бирманцев, шанов, качинов). Построение китайской этнократии на идеологических основах учения Си Цзиньпина видится наиболее надёжным залогом для закрепления гегемонии КНР в верхней Мьянме.

4. Обеспокоенность Пекина насчёт судьбы Китайско-мьянманского экономического коридора (*СМЕС*) по линии Юньнань-Чаупхью уже не ведёт к ставке китайской дипломатии на военное правительство Мьянмы. Изначальные подозрения мьянманских военных к любым инициативам, подрывающим суверенитет страны, вкупе с явным недоверием Пекина конституционным трансфером 2021 г., постепенно привели к более тесной работе КНР с этническими группировками, оперирующими вдоль линии трубопровода. Китайская стратегия в настоящее время исходит из того (и, в принципе, всегда исходила), что сильное и независимое центральное правительство Мьянмы не может быть проводником китайских интересов в регионе.

5. Логика китайской стратегии с её амбивалентностью и опытом работы со всеми игроками в основном малопонятна западным наблюдателям и зависящей от Запада бирманской оппозиции. Следствием этого непонимания становятся обвинения Пекина в «поддержке хунты», хотя без негласной поддержки Китая «революционные армии» не добились бы столь громких побед над Тамадо в 2023-24 г.

6. Конфликт далёк от завершения – как в Мьянме в целом, так и в северном Шане в особенности. Этнические чистки бирманского населения в Лауккае, Лашио и других населённых пунктах сделали невозможным примирение с китайскими повстанцами, даже при условии принятия ими номинального главенства правительства Мьянмы. Внешнеполитическая задача выхода из неравноправных отношений вынуждает военных идти на поиск альтернативных партнёров: прежде всего, Индии и, при условии отказа от либерального мессианизма, США (в этом смысле многое решит исход борьбы между Д. Трампом и Х. Харрис на президентских выборах).

7. России – на данный момент ключевому партнёру Мьянмы – необходимо руководствоваться собственными интересами и учитывать надежды национально-мыслящих мьянманцев на нашу страну. Чрезмерное усиление позиций КНР в Мьянме несовместимо с интересами российского бизнеса. Кроме того, надо чётко представлять, что древней буддийской цивилизации в Мьянме угрожают предельно чуждые как бирманскому, так и русскому мировоззрению ценности псевдодемократического «революционного» экстремизма и «марксизма с китайской спецификой». Исходя из этого, Россия должна «ближе к сердцу» воспринять происходящие в Юго-Восточной Азии трагические события.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ПОПОВ Фёдор Алексеевич, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 14.09.2024;
одобрена после рецензирования 30.09.2024;
принята к публикации 31.10.2024.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor A. POPOV, PhD (Hist.), Sechenov University, Moscow, Russia

The article was submitted 14.09.2024;
approved 30.09.2024;
accepted to publication 31.10.2024.

¹ Для сравнения: численность населения Лауккая («столицы») коканских китайцев, представляемых MNDAA – 89 961 (2014), численность населения Лашио – 323 405 (2014). См. The 2014 Myanmar Population and Housing Census. Shan State Report. P. 18. URL: https://www.dop.gov.mm/sites/dop.gov.mm/files/publication_docs/shan_state_census_report_-_english_0.pdf

² Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 31.

³ Soe Thane. Myanmar's Transformation & U Thein Sein. An Insider's Account. Yangon, Myanmar Times Press, 2017. P. 85.

⁴ Симония А.А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 171-187.

⁵ Fojtik P. China's Geopolitical Sphere of Influence in the Near Abroad // Contemporary European Studies. 2011. № 2, pp. 55-67

⁶ Maung Aung Myoe. In the Name of Pauk-Phaw. Myanmar's China Policy since 1948. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies, 2011. P. 182-183.

⁷ Maung Aung Myoe. In the Name of Pauk-Phaw... P. 184.

⁸ Maung Htin Aung. A History of Burma. New York and London, Columbia University Press, 1967. P. 149-150.

⁹ Holmes R. Burma's Foreign Policy toward China Since 1962 // Pacific Affairs. 1972. № 45. P. 248.

¹⁰ Листопадов Н.А. Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы). История и геополитика. М.: Научная книга, 1998. С. 89.

¹¹ Р. Холмс приводит слова анонимного профессора-бирманца, приглашённого в США, о том, что «бирманская внешняя политика основана на неизменной аксиоме, что к северу от нас – 700 миллионов китайцев» (Holmes R. Burma's foreign policy toward China since 1962. P. 240).

¹² Steinmüller H. Shanzhai: Creative Imitation of China in Highland Myanmar // Positions. Asia Critique. 2022. № 30 (4), pp. 895-921.

- ¹³ Ефремова К.А. Неравновесные державы: Мьянма в стратегическом треугольнике «Китай – Индия – АСЕАН». М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 174.
- ¹⁴ Kaznacheev A. Inside a Soviet Embassy. Experiences of a Russian Diplomat in Burma. Philadelphia and New York, D.J. Lippincott, 1962. P. 129.
- ¹⁵ Operation 1027: Will All Roads Lead to Laukkai or Naypyitaw? ISP-Myanmar, 2023. No. 17. P. 11. URL: <https://ispmyanmar.com/op-17/>
- ¹⁶ The speech delivered by Chairman of the State Administration Council Commander-in-Chief of Defence Services Senior General Min Aung Hlaing on security conditions of the State. The Global New Light of Myanmar. 06.08.2024. URL: <https://www.gnlm.com.mm/6-august-2024/>
- ¹⁷ Шведский эксперт Б. Линтнер ещё в первой половине 2023 г. называл бои 2015 г. «крупнейшей войной с момента независимости Мьянмы». (См. Lintner B. Kokang: Caught Between Myanmar and China. The Irrawaddy, 2023. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/kokang-caught-between-myanmar-and-china.html>) События поздней осени 2023 г. дезактуализировали это утверждение.
- ¹⁸ Hmine Wai. 11.01.2024. URL: <https://t.me/hminewai/44251>
- ¹⁹ Kyaw Win Maung. 28.07.2024. <https://t.me/kyawwinmaung413/35554>
- ²⁰ Lashio Thar. 13.08.2024. URL: <https://t.me/lashiothar911/31902>
- ²¹ June Nilian Sang. India's Geo-Strategic Kaladan Mission in Western Burma: Regional Integration, Confrontation, Social Movement. RCSD, Chiang Mai, 2021. P. 43-46. URL: https://rcsd.soc.cmu.ac.th/wp-content/uploads/2022/03/UMD18_IndiasGeo-strategic.pdf
- ²² How India Betrayed the Rakhine People – And Why It Matters Today. The Diplomat, February 10, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/02/how-india-betrayed-the-rakhine-people-and-why-it-matters-today/>
- ²³ Неожиданное сотрудничество «прокси» конкурирующих сверхдержав в борьбе против стран-неконформистов заставляет вспомнить диспозиции войн в португальских колониях, ЮАР и Родезии в 1960-80-х гг., когда повстанцы, обильно поддерживаемые США и СССР и КНР, могли совместно воевать против «реакционных режимов», находящихся в санкционной блокаде. См. Валецкий О. Слом колониальной системы и апартеида на Юге Африки. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 56 с.
- ²⁴ Thazin Oo. 06.07.2024. <https://t.me/Thazinoo969/19700>
- ²⁵ Kyaw Swar. 21.07.2024. <https://t.me/kyawswar49111/13185>
- ²⁶ Viral video shows MNDAA member destroying Buddhist pagoda on Laukkai Point 2202 Hill. Eleven Media, January 9, 2024. URL: <https://elevenmyanmar.com/news/viral-video-shows-mndaa-member-destroying-buddhist-pagoda-on-laukkai-point-2202-hill>
- ²⁷ MNDAA begins demolishing Bamar community shops in Laukkai. Eleven Media, March 18, 2024. URL: <https://elevenmyanmar.com/news/mndaa-begins-demolishing-bamar-community-shops-in-laukkai>
- ²⁸ Zhao Dashuai. 07.01.2024. URL: https://x.com/zhao_dashuai/status/1743912148089417884
- ²⁹ Zhao Dashuai. 07.01.2024. URL: https://x.com/zhao_dashuai/status/1743850752894963920
- ³⁰ Three Northern Brotherhood Alliance Statement Geared Towards Protecting China's Business Projects. The Burma News International, July 8, 2024. URL: <https://www.bnionline.net/en/news/three-northern-brotherhood-alliance-statement-geared-towards-protecting-chinas-business>
- ³¹ MNDAA announces to protect Chinese investments. CNI Myanmar, August 1, 2024. URL: <https://cnimyanmar.com/index.php/english-edition/23630-mndaa-announces-to-protect-chinese-investments>
- ³² ရန္တပိတချုပ်မှသည် တိုင်းခံဆွေးနွေးပွဲသို့ (От Яндабоского договора к Хайгенской конференции...) The Daily Eleven, July 31, 2024. URL: <https://news-eleven.com/article/294198>